

Александр Борщаговский:

Заказное убийство в январе 1948-го

Писатель Александр Борщаговский широко известен как автор книги "Записки баловня судьбы", исторических романов, сценариев популярных фильмов "Три тополя на Плющихе", "Дамский портной" и многих других произведений. Недавно он завершил работу над

новой книгой - документальной повестью "Обвиняется кровь", отрывок из которой мы публикуем ниже. Книга, изданная, к сожалению, очень малым тиражом (5 тыс. экз.), в эти дни поступила в продажу в магазин "Прогресс" на Зубовском бульваре.

В ночь на 13 января 1948 года в Минске был убит великий актер Соломон Михоэлс. Его тело и тело похода уничтоженного театрального критика Владимира Голубова (Потапова) были найдены на заметенной снегом улице, каждое с проломленным виском.

Едва ли кто принял тогда на веру официальную версию о случайной гибели, о наезде или автомобильной катастрофе. Слухи множились, один другого загадочнее и страшнее, в считанные дни сложилась уверенность, что это - злодейское убийство. Анализу возникших тогда и позже версий я, опровергая досужие вымыслы, посвятил немало страниц в книге "Записки баловня судьбы".

Важнейшей косвенной уликой стало для меня то, что за два дня до отъезда Михоэлса в Минск ему внезапно сменили попутчика: вместо театрального критика Ю. Головащенко, уже оформившего командировку, Всесоюзное театральное общество (ВТО) послало критика Владимира Голубова, талантливого литератора, автора первой книги об Улановой, в прошлом минчанина, окончившего в Белоруссии институт инженеров железнодорожного транспорта. Не подозревая своего славного, пьющего коллегу Володю Голубова в сотрудничестве с органами госбезопасности, оплакивая его как случайную жертву убийц, я не мог не подумать о том, зачем его Г. едва ли не силком принудили ехать в Минск. Ему бы радоваться поездке с мудрым и веселым Михоэлсом, который, как известно, не плошал в рюмочных баталиях ни с Фадеевым, ни с Алексеем Толстым, ни с мхатовскими корифеями...

А Голубов нервничал, места себе не находил.

В день отъезда я увиделся с ним дважды - в ВТО, куда я заглянул, перейдя Пушкинскую площадь из своей редакции "Нового мира", и на Белорусском вокзале перед отходом поезда. Не зная, что я приду на вокзал, Михоэлс, позвонив ко мне домой, сказал моей жене Валентине, чтобы я не тревожился, он вернется через несколько дней и прочтет труппе пьесу: он собирался ставить в Государственном еврейском театре запрещенную тогда Главреперткомом мою пьесу о временах фашистской оккупации Киева.

На вокзале Голубов как-то сиротливо прижался ко мне, признался, что "вот так" - пухлой рукой он провел по воротнику пальто у горла - не хочет ехать, не думал, не хотел и не хочет... "Зачем же ты дал согласие? Ты в ВТО не служишь, послал же их подальше". Он посмотрел на меня серьезно и печально, сказал понуро, что нужно, просят, потом чуть посветлел лицом, мол, с Михоэлсом все-таки интересно.

Голубов едва ли мог подозревать, что они обречены, что жизнь кончена, но, как человек безразлично впечатлительный, он заметался, что-то испугало его в поспешности командировки, предчувствия прогноза с лица полудетскую, какую-то незащищенную улыбку. Мягкий, ироничный, лукаво-нисходящий человек, он пользовался общей нашей любовью, никому в голову не приходила мысль о его зависимости от страшной карающей силы. "Я, когда напиваюсь, - пожаловался он однажды, - всегда оказываюсь на железной дороге... помню рельсы, рельсы, рельсы, пустые вагоны, стальные щиты на переходных площадках, тамбуры - ни человеческого голоса, ни гудков, только пугающее железо..." Черные, провалынные ночи, вероятно, и сделали его заложником.

Организаторам убийства нужен был зависимый, сломленный человек и непременно бывший житель Минска, оставивший там какие-то корни, давние знакомства и связи.

Версии минского убийства с течением времени множились, писавшие о нем вступали в обидчивые споры, и только 44 года спустя газетная публикация, небольшая заметка "Орден за убийство", положила конец спорам. Газета "Аргументы и факты" в N 19 за май 1992 года опубликовала выдержку из письма Лаврентия Берии в Президиум ЦК КПСС, к сожалению не оговорив ошибки составителей письма, отнесших убийство к февралю, вместо января, 1948 года.

Редакция опустила многие абзацы этого письма, однако в них заключены сведения, имеющие первостепенную важность; привожу письмо полностью по архивной копии.

Совершенно секретно (в тексте всех документов сохранены особенности оригинала. - Прим.ред.)

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.

В ходе проверки материалов следствия по так называемому "делу о врачах-враждебниках", арестованных быв. Министерством государственной безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем - Народным артистом СССР МИХОЭЛСОМ. В этих материалах МИХОЭЛС изображался как глава антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США.

Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей ВОВСИ М.С., КОГАНА Б.Б. и ГРИНШТЕЙНА А.М. "основывалась" на том, что они были знако-

мы, а ВОВСИ состоял в родственной связи с МИХОЭЛСОМ.

Следует отметить, что факт знакомства с МИХОЭЛСОМ был также использован фальсификаторами из быв. МГБ СССР для провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности П.С. ЖЕМЧУЖИНОЙ, которая на основании ложных данных была арестована и осуждена Особым совещанием МГБ СССР к ссылке.

Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской, террористической подрывной работе МИХОЭЛСА против Советского Союза.

Необходимо также отметить, что в 1943 году МИХОЭЛС, будучи председателем еврейского антифашистского комитета СССР, выезжал, как известно, в США, Канаду, Мексику и Англию и его выступления там носили патристический характер.

В процессе проверки материалов на МИХОЭЛСА выяснилось, что в феврале 1948 года в гор. Минске был заместителем Министра государственной безопасности Белорусской ССР ЦАНАВА, по поручению быв. Министра государственной безопасности АБАКУМОВА, была проведена незаконная операция по физической ликвидации МИХОЭЛСА.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР был допрошен АБАКУМОВ и получены объяснения ОГОЛЬЦОВА и ЦАНАВА. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции АБАКУМОВ показал:

"Насколько я помню, в 1948 году Глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание - быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию МИХОЭЛСА, поручив это специальным лицом.

Тогда было известно, что МИХОЭЛС, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И.В. СТАЛИНУ, он сразу же дал указание именно в Минск и провести ликвидацию МИХОЭЛСА под видом несчастного случая, т.е. чтобы МИХОЭЛС и его спутник погибли, попав под автомашину.

В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было бы поручить проведение указанной операции. Было сказано - возложить проведение операции на ОГОЛЬЦОВА, ЦАНАВА и ШУБНЯКОВА. После этого ОГОЛЬЦОВ и ШУБНЯКОВ, вместе с группой, подготовленной ими для данной операции работников, выехали в Минск, где совместно с ЦАНАВА и провели ликвидацию МИХОЭЛСА.

Когда МИХОЭЛС был ликвидирован и об этом было доложено И.В. СТАЛИНУ, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано".

ОГОЛЬЦОВ, касаясь обстоятельств ликвидации МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА, показал:

"...Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время "автомобильной катастрофы" у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте - провести ликвидацию МИХОЭЛСА путем наезда на него грузовозной машины на малолюдной улице. Но этот вариант хотя бы и лучше первого, но также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено через агента пригласить в ночное время в гости к какому-либо знакомому, подвезти ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи ЦАНАВА Л.Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовозной машины. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гуляния людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так было и сделано."

ЦАНАВА, подтверждая объяснения ОГОЛЬЦОВА об обстоятельствах убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА, заявил:

"...Зимой 1948 года, в бытность мою Министром госбезопасности Белорусской ССР, по "ВЧ" позвонил мне АБАКУМОВ и спросил, имеется ли у нас возможность для выполнения одного важного задания И.В. СТАЛИНА? Я ответил ему, что будет сделано. Вечером он мне позвонил и передал, что для выпол-

нения одного важного решения правительства и личного указания И.В. Сталина в Минск выезжает ОГОЛЬЦОВ с группой работников МГБ СССР, а мне надлежит оказать ему содействие.

...При приезде ОГОЛЬЦОВА сказал нам, что по решению правительства и личному указанию И.В. СТАЛИНА должен быть ликвидирован МИХОЭЛС, который через день или два приезжает в Минск по делам службы... Убийство МИХОЭЛСА было осуществлено в точном соответствии с этим планом... Примерно в 10 часов вечера МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА заехали во двор дачи (речь идет о даче ЦАНАВА) на окраине Минска. - А.Б.). Они немедленно с машины были сняты и раздвинуты грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА были погружены на грузовую машину, отъезды и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию".

Таким образом, произведенным Министерством внутренних дел СССР расследованием установлено, что в феврале 1948 года ОГОЛЬЦОВЫМ и ЦАНАВОЙ, совместно с группой оперативных работников МГБ - технических исполнителей, под руководством АБАКУМОВА, была проведена преступная операция по зверскому убийству.

Учитывая, что убийство МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности б. заместителя Министра государственной

С.М. Михоэлс. 11 января 1948 г. Минск. За два дня до гибели.

безопасности СССР ОГОЛЬЦОВА С.И. и б. Министра государственной безопасности Белорусской ССР ЦАНАВА Л.Ф.;

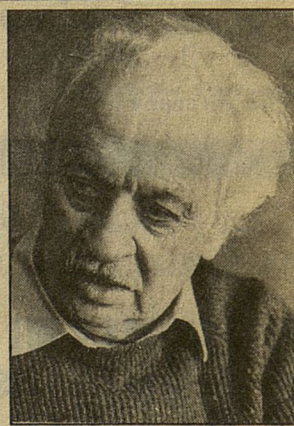
б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА отменить.

2 апреля 1953 года.
Л.БЕРИЯ

Письмо Берии направлено в ЦК КПСС 2 апреля, вслед за объявленной реабилитацией "врачей-убийц". Не прошло и месяца со дня смерти Сталина, страна еще скорбит, свято чтит память вождя, в эйфории скорби слагают стихи поэты; всякий, кто в те дни открыто, громко, гласно назвал бы Сталина преступником, рисковал быть растерзанным толпой, расстрелянным и сожженным в крематории у Донского монастыря. А между тем Абакумов, арестованный еще в июле 1951 года, в письме, затребованном Берией, рисует Сталина как мстительного, но заурядного уголовного "пахана".

Известно, как стрелялись и "редактировались" показания подсудимых в Лефортове, в Бутырках, на Лубянке, как следователи искажали протоколы допросов, насильем понуждая арестованных подписывать только нужные им (следователям) признательные показания. В том, что Берия позволил (если не продиктовал!) всем троим - Абакумову, Огольцову и Цанаве - спрятаться за спину Сталина, они видели какой-то шанс на спасение жизни, просвет, надежду обойтись сроком, а не пулей в затылок. Даже Абакумов, как известно, лучше других стоявший под пытками после ареста, пытался изо всех сил доказать, что убийство Михоэлса было организовано не им самим, а навязано ему высочайшим приказом, монаршей волей - приказ был столь внезапным, что он и точных сроков не удержал в памяти. Даже министр Абакумов, ссылаясь на лихорадочную торопливость Сталина, пытается свести свое участие к выполнению приказа из тех, которые не обсуждаются. Так, словно Сталин, никому не доверяя вполне, сам продумывает детали убийства, подбирает исполнителей, печется о мелочах и в нетерпении нервничает.

Соломон Михоэлс был первым казненным по делу Еврейского антифашистского комитета. Любый список жертв этого дела должен открываться его именем, ибо так было: устремлясь к тотальной расправе, масштабов которой мы и не представляли себе, непременно надо было прежде всего каз-

Соломона Михайловича Михоэлса.

Задержимся немного в Минске, на "тихой", "глухой", "безлюдной", "отдаленной" - как только ее не называли - улочке, у распростертых на снегу двух тел: Голубова, умершего сразу, и Михоэлса, в чьем могучем организме жизнь, по определению врачей, продолжала теплиться еще 4-5 часов, пока его не сломил мороз.

Михоэлс приехал в Минск накануне, он должен был просмотреть два выдвинутых на соискание Сталинской премии спектакля. Известно, каким вниманием были окружены те, от кого хоть в малейшей мере зависело получение высшей награды страны, - если бы приехал и не столь почитаемый и любимый театрами человек, как Михоэлс, его тоже день-деньской сопровождали бы не только друзья и знакомые, а они непременно найдутся в столичном городе, но и руководители местных театров, режиссеры, журналисты. Подобраться к Соломону Михоэлсу днем Огольцову с Цанавой невозможно.

Действовали, как свидетельствует Огольцов, через агентуру. В Минске обитали друзья, бывшие соученики Голубова, кто-то из них позвонил по телефону в гостиницу, позвал в гости, на свадьбу то ли сына, то ли брата. У службы госбезопасности нашелся советчик, знавший, как легко на подъем Михоэлс, его страсть к доброй компании, к веселому застолью, его жадный интерес к новым людям, его готовность к бессонной ночи. Думаю, что и прошлую ночь с актерами Белорусского государственного еврейского театра, за которую, как классная дама, как попечитель, выговаривал Михоэлсу Фефер, Соломон Михайлович провел если и в учительстве, то в учительстве нескучном.

Позволю себе небольшое отступление.

На людях Михоэлс называл меня: Борщагивский. Произносил он мою фамилию так смачно, природно по-украински, будто Тевье-молочник окликал кого-то из местечковых соседей. Он приехал в столицу Украины на 25-летие киевского ГОСЕТа, мне поручен был доклад на юбилейном вечере, пришлось коснуться и далекого славного прошлого еврейской сцены - Гольдфадена, Менделей Мойхер Сфорим, Эстер Рохл Каминой и многих других. Я говорил по-украински, и, кажется, именно это непривычное звучание дорогих Михоэлсу имен и названий пьес, их певучее поэтическое украинское эхо, заставило его с детским простодушием и любопытством, выкатив клоунскую нижнюю губу, выслушать весь скучный доклад.

Мы провели, почти не расставаясь, двое суток. Киев рвал на части своего кумира, Соломон Михайлович царил в застольях, в неутомимой, какой-то раблезианской роли. Он не отпускал меня: "Борщагивский, ты пойдешь со мной! Ты не бросишь меня в этом вертеле!" Я с радостью сопровождал свадебного генерала без свадьбы, их не случилось тогда в Киеве, для нас по крайней мере. В 32 года я еще мог обойтись без сна и был счастлив. Увы, встреча миновала, кончился счастливый шквал, оборвался с отходом московского поезда, в памяти удержалось неуловимо-лукавое и доброе: Борщагивский...

А в Минске лютый морозной ночью на 13 января 1948 года Михоэлса позвали на свадьбу. В номере Михоэлса находился уже собравшийся уходить режиссер Головинер, когда зазвонил телефон и Голубов взял трубку. В своей книге "Записки баловня судьбы" я писал об этом: "Недолгий разговор, и Голубов, прикрыв трубку, сказал, что звонит его одноклассник по институту... у кого-то из близких сегодня свадьба, и друг узнал, что Голубов приехал с Михоэлсом. "Володя! Упроси его, умоли! Если Соломон Михайлович заглянет хоть на полчаса, это будет молодым память на всю жизнь..." Уверен, что Михоэлс и минуты не колебался: свадьба так свадьба! Какие они теперь, еврейские свадьбы, женихи и невесты, свадебные гости в полутемном, разрушенном нацистами городе, который жив, строится и играет свадьбы..."

Версия, для меня единственная, не была принята многими, получила теперь документальное, казенное подтверждение...